

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-941

Е. Ю. Сафатова

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ РУСИ-РОССИИ: СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ РУССКИМ» А. Н. МУРАВЬЁВА)

В работе идет речь о генезисе русской паломнической традиции и постепенном формировании национальной географии святых мест. Предложенный автором анализ литературного отражения этих процессов в творчестве духовного писателя А. Н. Муравьёва позволяет описать семиотический аспект сакральной географии России и демонстрирует методику интерпретации пространственной организации произведений с религиозным модусом художественности.

Ключевые слова: паломничество, русская литература, художественное пространство, семиотика, литература путешествий.

Паломническая традиция формировалась на русской почве поэтапно. В первое время хождения совершались исключительно в Палестину, Константинополь и на Афон. С формированием религиозно-философского феномена Святой Руси и укреплением Русской православной церкви (в особенности, после утверждения идеи «Москва-Третий Рим») русские люди начинают совершать паломничества не только на православный Восток, но и по территории своей страны: к отечественным монастырям, церквям и храмам. Многие духовные наставники Руси призывали к воздержанию от дальних странствий и обретению божественной благодати через приобщение к национальным святыням. Дальнейшее развитие поклонения русским святым местам пришло к тому, что после XVII в. на Русь начинают приходить паломники из соседних православных государств, и даже из дальнего зарубежья¹.

К этому времени паломническая традиция на Руси начинает развиваться по двум линиям: *паломничество в Святую землю Палестины* и *паломничество по святым местам русским*. К XIX в. сложилась духовная география России, включающая в себя основные объекты паломнических устремлений православных людей. Важнейшими центрами, к которым шли на поклонение, были Троице-Сергиева и Киево-Печерская лавры, Оптина Пустынь, Валаам, монастыри Радонежа, Переяславль-Залесского, Ростова, Сарова и Дивеево. Верующие люди приходили к ним, чтобы почтить мощи святых угодников, помолиться и обратиться за духовным советом к старцам. Так, постепенно поклонение святым местам русским становится неотъемлемой

частью отечественной паломнической культуры.

Ярким литературным отражением «внутренней» ветви русской паломнической традиции стала книга духовного писателя А. Н. Муравьёва «Путешествие по Святым местам русским», впервые опубликованная в 1836 г. Эта книга получила едва ли не больший резонанс, чем принесшее автору известность «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.». Описание отечественных святынь, выполненное в доступной широкому читателю манере изложения, открыло светскому обществу первой половины XIX столетия многовековое богатство духовной культуры родной земли. По словам И. С. Тургенева, написавшего рецензию на «Путешествие...» Муравьёва, «равнодушие к сим святым местам равно противно и духу веры, и патриотизму, и самой пользе науки. С каким же удовольствием видим теперь писателя, одаренного истинным талантом и согретого любовью к святыне веры и к отечеству, который посвящает свое перо описанию предметов, столь драгоценных сердцу христианина и русского» [2, с. 175]. Идея самобытной святости Руси-России, подспудно формирующая специфику ментального самоопределения и нашедшая отражение в творчестве В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, в произведении Муравьёва выразилась в сгущенном, концентрированном виде, зазвучав то патетическими, то интимными, проникновенными нотками в молитвах святых старцев, в перезвоне церковных колоколен, в тишине уединенных монастырей. Осознававшаяся самим Муравьёвым как продолжение первого «Путешествия...»², где уже была обозначена духовная

¹ Так, например, впечатления от посещения иностранным путешественником русских святынь зафиксированы в записках Павла Аллепского [1].

² «Сие краткое описание некоторых обителей Русских может отчасти служить продолжением моему путешествию ко Святым местам, потому что въ Палестине возникло во мне желание посетить их» [3, ч. 1, с. V].

эволюция авторской мысли от поклонения святыням Палестины к осознанию святости отечества, книга стала утверждением высшей ценности родного пространства, глубины и проникновенности национальной религиозной идеи, наиболее полно выраженной в феномене Святой Руси.

Книга выдержала несколько прижизненных изданий и неоднократно переиздавалась после смерти А. Н. Муравьева¹, что наглядно свидетельствует о неугасающей актуальности этого произведения и большой значимости для русской культуры заложенных в нем идей.

Текстологический анализ прижизненных изданий «Путешествия по Святым местам русским» позволяет проследить эволюцию духовной мысли автора. Первые три редакции представляют собой последовательное воссоздание образов Троицкой лавры, Ростова, Нового Иерусалима и Валаама. В более поздних изданиях Муравьев вводит в произведение описание святынь Киева и Новгорода. Важным дополнением, существенно повлиявшим на идейное содержание «Путешествия...», становится включение в текст произведения «Воспоминаний о посещении святыни московской Государем Наследником»², в основу которых легли впечатления автора от совместной поездки с наследником царского престола Александром Николаевичем (будущим Александром II), совершенной по просьбе В. А. Жуковского в 1837 г. Кроме того, при подготовке четвертого издания книги было изменено композиционное строение произведения: первую часть «Путешествия...» составили описания московских монастырей и Валаама, во вторую часть автор поместил главы, посвященные святыням Киева и Новгорода. Тем самым в основу композиционного деления «Путешествия по Святым местам русским» был положен пространственный принцип, объединивший в пределах одной главы авторские впечатления от нескольких посещений той или иной святыни, совершенных в разные периоды.

Смена временного принципа композиционной организации текста, который был использован автором в «Путешествии... в 1830 году», пространственным отражает характерное для второго «Путешествия...» смещение семантических акцентов в восприятии повествующим героем святых мест. После «Путешествия ко Святым местам в 1830 году», где автором были обозначены две «священных грани» – Палестина и Отечество, творческая мысль писателя сфокусировалась на постижении

сакральных основ Святой Руси, концентрирующихся вокруг образа русского царя. С появлением на Руси самобытных святых само понятие святости теснейшим образом начинает связываться с идеалами национальной жизни, о чем упомянуто уже в древнейшем из дошедших до нас памятников русской литературы – «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона [4, с. 599–616], где ярко и выразительно прорисован образ благочестивого князя Владимира, «великое и дивное сотворившего». В произведении Муравьева оказавшаяся в центре сакрализованного мира фигура русского правителя организует вокруг себя элементы художественного мироустройства и играет важную роль в формировании образа пути самого героя. Особое внимание «путешественник по Святым местам» уделяет наследнику царского престола, традиционно занимавшему специфическое место в восприятии царской власти. Таким образом, если в «Путешествии... в 1830 году» в центре мироустройства находится фигура Христа, то в описании русских святых мест организующим началом становится обобщенная фигура русского царя, вокруг которого формируются представления о феномене Святой Руси. Поэтому композиционно книга сосредоточена вокруг трех центров государственности и духовности Руси: Москвы, Киева и Новгорода. В первой части описаны монастыри Валаама, который в XIX в. воспринимался как петербургская святыня, тем самым также соотносясь с околоточным пространством.

Центром этого мира становится в произведении образ Кремля. По мысли Ю. М. Лотмана, рассуждавшего о двойной семиотической жизни архитектурных строений, их пространство одновременно и «моделирует универсум», и «моделируется универсумом» [5] (курсив наш. – Е. С.).

Москва, возникшая, согласно летописным источникам, в конце XI в. в устье реки Неглинной, изначально представляла собой поселение, укрепленное рвом и валом, – так в то время выглядел Кремль. Будучи наиболее ранней, исконной частью исторической Москвы, Кремль представлял собой крепость и изначально имел исключительно военно-стратегическое значение. В нем же находились покои князя. Специфично, что первая церковь – Спаса на Бору – находилась вне стен крепости. Но со временем границы Кремля расширялись, и на его территории были построены соборы и церкви, впоследствии занявшие важное место в истории русского государства. Так постепенно Кремль ста-

¹ Всего существует 9 переизданий «Путешествия по Святым местам русским»: 1836, 1837, 1844, 1846, 1863, 1888–1889, 1898–1900, 1905, репринт: 1990.

² Впервые опубликовано отдельным изданием: Муравьев А. Н. Воспоминание о посещении святыни московской Государем Наследником / А. Н. Муравьев. – СПб.: Тип. III Отд. Соб. Е. И. В. канцелярии, 1838.

новится особым сакрализованным пространством, в котором совмещаются два определяющих для русской ментальности аспекта – православие и государственность.

В «Путешествии по Святым местам русским» описание Кремля дается в разных планах. Сначала повествующий герой осматривает его издали: «Москва <...> лежала вся пред очами, за излучистым течением реки, за веселою зеленью прибрежных лугов; белый, многоглавый Кремль горел золотом крестов своих, как обширный венец, обвивающий древнее чело столицы, которая вся стремилась к небу своими бесчисленными церквами и колокольнями, и в лучах яркого солнца казалась более селением горным, нежели земным» [3, ч. 1, с. 157]. В этом фрагменте «путешественник» не просто описывает общий вид Москвы начала XIX в. – акцент здесь сделан на духовно-выделенных чертах города, что создает сакрализованный образ древней русской столицы. Кремль, «сердце» Москвы, изображенный в традиционной иконописной цветописии, уподобляется повествующим героем *венцу*. Этот образ неоднократно появляется в произведении Муравьева при описании русских святых мест. Венцом Новгорода герой называет Юрьев монастырь [3, ч. 2, с. 207], а еще раньше, когда «путешественник» посещает Троице-Сергиеву лавру, в его сознании возникает образ апокалиптического венца: «Все ее остроконечные башни и золотые купола и над ними легкая колокольня, сливаясь в одну великолепную массу, давали ей вид Восточной короны, поставленной на землю: подобно тем золатым венцам, которые слагают с себя таинственные старцы Апокалипсиса пред престолом живущего во веки, когда небеса поют его славу» [3, ч. 1, с. 57]. Стоит заметить, что при описании Кремля возникает образ, устремленный вверх: от дольного к горнему (подчеркивается *сакральность* пространства), в изображении Троицкой лавры это венец, «поставленный на землю», здесь дается ситуация «слагания венца» (акцент сделан на *сакрализованности* образа).

Изначально венцом назывались головные уборы, представлявшие собой кольцеобразные сплетения из веток деревьев и цветов¹ и имевшие ритуальное значение. Во многих культурах венцы использовались при совершении переходных обрядов – свадьбы, инициации, похорон. В древности венцами украшали статуи богов, принося им жертву. Постепенно венец стал атрибутом верховной власти как в светской, так и в религиозной сферах. В церемониальном значении венец был привнесен на славянскую почву из Византии, со временем став символом русского самодержавия. Венчание

на царство совершалось непременно с участием венца византийского императора Константина, названного в России «шапкой Мономаха» [6, с. 6–7]. Заняв прочное место в православных обрядах и ритуалах, связанных с возведением посвящаемого в принципиально новый, более высокий статус, образ венца стал символически переосмысляться как высшая точка какого-либо стремления. В произведении Муравьева сопоставление Кремля с образом венца выводит на новый уровень осмысления процесса сакрализации пространства Руси-России. Кремль не просто оказывается духовным центром России, но и символически понимается как часть лестницы, направляющей повествующего героя к трансцендентной сфере. Более того, устремленность московских церквей и колоколен к небу создает образ не просто сакрализованный, но стремящийся к сакральному. Не случайно «путешественник» говорит о том, что город казался ему «более селением горным, нежели земным» [3, ч. 1, с. 157]. При этом в описании Кремля четко прослеживается двойная знаковая семантика образа венца: религиозный контекст совмещается с планом государственной власти.

Характерная для «путешественника» двойственность проявляется в сравнении Кремля и Москвы с летописями: «громадной летописью нашего царства» [3, ч. 1, с. 229] называет повествующий герой пространство Кремля. При этом, с одной стороны, очевидно обращение к исторической тематике: образ Кремля становится символом памяти о горестях и победах русской земли, о великих событиях, свидетелем которых он стал; в то же время назначение этой «летописи» в том, чтобы при созерцании ее «потомки укреплялись *молитвою* на новые подвиги» [3, ч. 1, с. 228]. Семиотическая синтетичность образа подчеркнута репликой повествующего героя о том, что Кремль «увенчан» славою побед.

Глубокой религиозной семантикой наполнено описание всенощной, когда «путешественник» стоит на «высотах Кремля»: «на зов златоглавого великана внезапно со всех сторон откликаются его бесчисленные дети, и ходит гул их в дрогнувшем эфире, серебристый, многоглагольный, слитый не из одних звуков, но из чувств и мыслей и слов, которые однако же не опускаются до земли: язык неба плавает в небе, обтекая столицу своим медным гимном» [3, ч. 1, с. 227]. Звон колоколов уподобляется в произведении языку неба, что помещает этот звуковой образ в вертикальную ценностную плоскость. Пространство Кремля тем самым вновь выводится повествующим героем за пределы земного бытия и представляется соединением трансцендентной и эмпирической сфер. При этом

¹ После введения в обиход металлических венцов венки из натуральных материалов начали называть венками.

пограничное пространство наполняется охранительной семантикой: «Это священные кимвалы полчищ Ангельских, стражей Русской земли, вечно бодрствующих над богохранимым градом, для отгнания лукавых князей тьмы» [3, ч. 1, с. 227].

Выстраивающаяся в мирообразе произведения Муравьёва вертикаль продолжается описанием «засыпающей» после всенощной Москвы. Специфично, что в рассматриваемом эпизоде возникает противопоставление Москвы и Кремля, обозначенное пространственным разведением этих образов в контексте вертикального мироустройства: «Вот засыпает Кремль и Москва у ног его» [3, ч. 1, с. 230]. Москва, которая находится внизу, «под сению благовествующего неба» [3, ч. 1, с. 227], по словам повествующего героя, упокоивается «как бы на лоне у матери» [3, ч. 1, с. 228]. Возникает традиционный языческий образ Матери-сырой-земли, который в ситуации двоеверия соотносится с богородичными мотивами. Тем самым пространственная вертикаль расширяет семантические границы, вводя в контекст произведения сразу несколько смысловых оппозиций: преходящее – вневременное, земное – небесное, языческое – христианское. Но эти оппозиции не создают в художественном мире «Путешествия...» пространственной дискретности – они гармонично соединяются в целостный образ, в основе которого лежит авторское осмысление основ русского православия. Картина, отраженная в сознании повествующего героя, соотносится с иконописной образностью («и светел вечерний лик белокаменной Москвы» [3, ч. 1, с. 228]), что усилено цветовой символикой образа: при описании города автор использует традиционные для славянской иконописи цвета: золотой, белый, синий, зеленый.

Интересно при описании Благовещенского собора Кремля прорисован образ светильника: «Ночь: заключены соборы Кремля; из одной только открытой паперти, как из глубокого жерла, льется отрадное мерцание невидимой лампы, которая невольно манит запоздавшего, из внешнего

мрака, в гостеприимную сень святилища» [3, ч. 1, с. 232]. Этот образ, с одной стороны, напоминает о временах, когда христианство еще только входило в мир русской духовной культуры, когда немногочисленные церкви открывали свои двери ищущим духовного пристанища и впускали их из темного мира язычества к свету божественного откровения. С другой стороны, образ «невидимой лампы» вновь напоминает о современниках повествователя, опустошенных войной 1812 г. и потерявших какую-то невосполнимую часть себя зимой 1825 г. Именно для них мудрость православия, бережно хранимая монастырскими старцами, становилась светом, который давал желаемый покой.

Посещение Кремля и его соборов вновь возвращает «путешественника» к размышлениям о быстротечности и суетности житейских проблем и незыблемости божьего закона. Судьбы русских правителей, летопись которых герой читает на плитах в усыпальнице царей – Архангельском соборе – видятся ему сквозь призму «устроения тайного Промысла» [3, ч. 1, с. 257], способного рассудить самые сложные столкновения.

В произведении Муравьёва создается особая эстетическая форма духовного переживания, основанная на идее поклонения святым местам. Специфика отношения к миру, проявленная в «Путешествии...», определила особенность пространственного восприятия повествующего героя. Синтезируя светские и религиозные представления о мире, Муравьёв выстраивает в своем произведении авторскую концепцию мироустройства. Сакральная география представляет в художественном мире его произведения центростремительную структуру: ядром сакрализованного мира становится Кремль, по модели которого выстраиваются образы околomosковских святынь и Валаама, и далее – провинциальные места поклонения и святыни древних столиц. Более того, Кремль оказывается в «Путешествии...» Муравьёва своего рода архитектурной иконой Святой Руси.

Список литературы

1. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. СПб., 1898. 167 с.
2. Тургенев И. С. Путешествие по святым местам русским // Тургенев И. С. Сочинения: В 12 т. Т. 1. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски. 1834–1849. М.: Наука, 1978. С. 173–187.
3. Муравьёв А. Н. Путешествие по Святым местам русским. М.: Книга – СП «Внешнеберика», 1990 (репринт: Изд. 4. СПб.: тип. III Отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1846). 392 с.
4. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона // Памятники литературы Древней Руси. Т. XII. М.: Художественная литература, 1994. С. 599–616.
5. Лотман Ю. М. Архитектура в контексте культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. 704 с.
6. Сказание о венчании русских царей и императоров / Сост. П. П. Пятницкий. М.: Типо-литография О. И. Лашкевич и К°, 1896. 108 с.

Сафатова Е. Ю., кандидат филологических наук, старший преподаватель.
Кемеровский государственный университет.
Ул. Красная, 6, г. Кемерово, Кемеровская область, Россия, 650043.
E-mail: safatova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.09.2009.

E. Yu. Safatova

**SACRAL GEOGRAPHY OF RUSSIA: SPATIAL SEMIOTICS
(ON THE MATERIAL OF «TRAVEL ON HOLY SITES OF RUSSIA» BY A. N. MURAVJEV)**

The article considers genesis of Russian pilgrim tradition and gradual formation of national geography of Holy sites. The analysis of literary reflexion of these processes offered by the author in works of the religious writer A. N. Muravjev allows to describe semiotics aspect of sacral geography of Russia and shows a technique of interpretation of the spatial organization of literary works with religious artistry modus.

Key words: *the pilgrimage, Russian literature, the art space, the semiotics, the literature of travel.*

Kemerov State University.
Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Kemerov oblast, Russia, 650043.
E-mail: safatova@mail.ru